

Максим
Взор

Хроники
Замкадья

18+

Максим Взор

Хроники Замкадья

«Автор»

2026

Взор М.

Хроники Замкадья / М. Взор — «Автор», 2026

Вы думаете, чтобы выжить в другом мире, нужно быть Избранным, махать огненным мечом и учить древние заклинания? Какая пошлость. В мире Замкадья магия работает не от силы духа, а от правильно оформленной бумаги. Заклинание без справки из БТИ, акта согласования и трех подписей — это просто сотрясение воздуха! Четверо москвичей — гениальный фальсификатор документов Вениамин Кац, бывшая гроза районной СЭС Клавдия Петровна, майор ОБХСС в отставке Семён Палыч и мастер маникюра с экстрасенсорными наклонностями Люся — случайно попадают в классическое фэнтези из-за парового взрыва в старых купеческих банях. Но вместо того чтобы спасти принцесс, они устраивают этому миру тотальный трюндец

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

Хроники Замкадьа

Глава 1. Философия Печати и взрыв котла

Если вы, уважаемый читатель, наивно полагаете, что Ад — это котлы со смолой, черти с вилами и вечные муки, то вы, ё-моё, никогда не стояли в очереди в московский МФЦ в пятницу вечером, когда в системе «висит» база данных, а у операциониста Люды как раз начался ПМС и закончились чернила в принтере. Ад, граждане, это не огонь. Ад — это отсутствие правильно заверенной копии.

Ибо что есть Печать? Печать — это не просто оттиск казенной резины на целлюлозе. Печать — это сакральный акт превращения хаоса в космос. Было у вас ничто, бумажка, сортирная бумага, а шлепнули синевой, поставили герб — и вот вам, блядь, путевка в жизнь, индугенция от самого Папы Римского, справка о том, что вы не верблюд, а полноценный член общества. Я, Вениамин Кац, всю свою интеллигентскую жизнь посвятил этому высокому искусству. Я не рисовал картин, не играл на скрипке. Я рисовал штампы. И делал это так, что сам Господь Бог, увидев мою справку о доходах, заплакал бы от зависти и выдал мне ВНЖ в Раю без очереди.

Но в тот проклятый вторник мы не были в МФЦ. Мы были в банях. В старых, купеческих, на Яузе, где стены помнят еще купцов-миллионщиков, а в парилке пахнет не хлоркой, а историей, потом и легким духом разложения.

В предбаннике, обитом красным деревом, сидела наша маленькая, но сплоченная контора. Клавдия Петровна, дама габаритов монументальных, бывшая гроза районного СЭС, пила чай с лимоном и сурово смотрела на веник, словно прикидывая, не превышена ли в нем ПДК по свинцу. Рядом, похрустывая соленым огурцом, сидел Семён Палыч, майор ОБХСС в отставке, человек, чье лицо было высечено из гранита и недоверия к частной собственности. И Люся, мастер маникюра, которая сегодня была без своего чемоданчика с лаками, но с тяжелым взглядом женщины, знающей о мужчинах всё, включая размер их кошелька и простаты.

— Вениамин, — сказала Клавдия Петровна, отставляя стакан в граненом подстаканнике. — Я тебе как женщина и как бывший государственный служащий говорю. Твоя справка на этого депутата — это не документ. Это издевательство над гербом. У тебя орел на печати смотрит не в ту сторону. Он смотрит, как будто ему должны.

— Клавдия Петровна, душа моя, — возразил я, поправляя запотевшие очки. — Орел, он тоже птица. У него, может быть, радикулит. Главное, что микротекст читается. А микротекст, граждане, это музыка сфер.

Семён Палыч хмыкнул, наливая себе из граненого графина жидкость, которая по цвету напоминала тормозную, а по духу — слезу комсомолки.

— Микротекст... — проворчал он. — В восемьдесят третьем году мы брали цеховика, который на левой продукции три миллиона нажевал. Знаете, что у него в сейфе лежало? Не золото. Бланки. Чистые бланки с водяными знаками. Вот это была сила. А сейчас... Тьфу. Бардак. Никакой культуры конфискации.

Мы должны были отметить удачную сделку. Я, видите ли, помог одному очень хорошему, но слегка мертвому человеку получить наследство в виде подмосковного элеватора. Человек был мертв условно, по документам, а в жизни пил коньяк в Дубае. Но это детали. Интеллигенция всегда живет в деталях.

Банщик Митрофан, мужик с лицом, похожим на печеный картофель, принес в парилку ушат.

— Осторожно, Вениамин Ильич, — пробасил он. — Каменка сегодня шалит. Дед мой сказывал, тут еще при Иване Грозном фундамент клали. Руны какие-то в кирпичках. Не плескайте много, а то прорвет.

— Митрофан, — усмехнулся я, заходя в горячий, как адский котел, туман. — Что такое руны? Руны — это недоделанные иероглифы. А прорвать может только трубу в Ховрино. Плескай!

И я, размечтавшись о том, как куплю себе дачу в Переделкино и буду там читать Гейне в оригинале, плеснул на раскаленные камни не ковш воды, а случайно схваченную бутылку портвейна «Агдам», которую Семён Палыч приносил для «растирания суставов».

Секунду ничего не происходило. А потом камни вздохнули.

Это не был взрыв в голливудском понимании. Это был глубокий, утробный, бюрократический вздох вселенной, которой надоели наши справки, наши элеваторы и наш портвейн. Вспышка была не огненной, а синей. Той самой, чернильной синевой, которой ставят штамп «ОТКАЗАНО В ВЫДАЧЕ».

Меня подбросило, ударило о полок, и в нос ударил запах не банного листа, а мокрой овчины, конского навоза и безнадёги.

Сознание, как испуганный чиновник при виде прокурора, поспешно ретировалось.

Глава 2. Грязь, небо цвета советского ковра и санитарный инспектор

Очнулся я от того, что мне в лицо дышало чем-то кислым, напоминающим просроченный кефир и немытые носки.

Я открыл глаза. Надо мной не было деревянного потолка бань на Яузе. Надо мной было небо. Но не то небо, голубое и бездонное, которое воспевают поэты-графоманы. Это было небо цвета выцветшего на солнце советского ковра, с редкими, какими-то подозрительными облаками, похожими на кляксы от дешевых чернил.

Я лежал в грязи. В самой настоящей, жирной, русской грязи, которая, как известно, лечит всё, кроме совести.

Рядом, кряхтя и отплевываясь, поднимался Семён Палыч. Его спортивный костюм «Абибас», купленный на рынке в Лужниках, был безнадежно испорчен.

— Мать его за ногу... — прошептал майор, озираясь. — Вениамин, это что, Химки? Я же говорил, не надо было брать портвейн у этого азербайджанца на выходе. У них суррогат, он не только печень, он и пространство-время разъедает.

Чуть поодаль, в луже, сидела Люся и с ужасом смотрела на свои руки.

— Веня... — прошептала она. — У меня гель-лак отслоился. От температуры. Это не Химки. Это солярий, который сошел с ума.

Но я не слушал их. Мой взгляд был прикован к существу, стоявшему над нами.

Это был не банщик Митрофан. Это было нечто зеленоватое, ростом с подростка, с огромными желтыми глазами, длинными ушами и носом, который, казалось, нюхал этот мир еще до того, как тот был создан. Существо держало в руках ржавые вилы и смотрело на нас с нескрываемым любопытством дикаря, увидевшего упавший с неба унитаз.

— Лешачок? — неуверенно спросил Семён Палыч, инстинктивно принимая стойку, которую он отрабатывал еще при задержании фарцовщиков в восьмидесятом. — Гражданин! Предъявите документы! Кто такой? Почему без формы?

Существо моргнуло, открыло рот, полный мелких острых зубов, и издало звук, похожий на скрип несмазанной телеги:

— Ыргх? Вы кто, окаянные? С неба упали, прямо в навоз. Вы, часом, не из Свода? Так у нас налог на падшие звезды еще с прошлой луны не уплачен!

Я медленно сел, отряхивая пиджак. Интеллигент во мне требовал достоинства, даже если он сидит в навозе по уши.

— Уважаемый, — сказал я, стараясь говорить тоном, которым говорил с проректорами, когда выбивал для абитуриентов бюджетные места. — Мы не из Свода. Мы, так сказать, в командировке. А вы кто? Фермер?

— Я Грым! — гордо ответило существо, почесав вилы. — Сторож при болоте. С вас, по закону Князя-Батюшки, по три медяка за потраву моха.

Тут раздался звук, от которого, наверное, вздрогнули бы даже драконы в своих пещерах. Это был звук, с которым Клавдия Петровна встала с земли. Она отряхнула свою необъятную юбку, поправила очки на цепочке и посмотрела на Грыма. В ее взгляде не было страха. В ее взгляде была вселенская скорбь санитарного инспектора, увидевшего таракана в кастрюле с компотом.

— Так, — сказала Клавдия Петровна голосом, не терпящим возражений. — Значит, сторож. А скажи-ка мне, Грым, у тебя личная медицинская книжка есть? Прививка от столбняка? Акт дератизации болота?

Грым попятился, прижимая вилы к груди.

— Чаво? Какая книжка? Я тут триста лет сижу, меня комары не кусают, я сам кого укушу!

— Триста лет без медосмотра?! — взвилась Клавдия Петровна, и в ее руке, непонятно откуда, появился блокнот в дерматиновой обложке и огрызок карандаша. — Это вопиющее нарушение! У вас тут сырость, антисанитария, гниющие водоросли! Где журнал учета пиявок? Где договор на вывоз ила? Я закрываю это болото! Предписание! Немедленно приостановить гниение до устранения нарушений!

Грым задрожал. В его желтых глазах появился первобытный, животный ужас. Он, возможно, видал чертей, ведьм и заезжих богатырей. Но он никогда, ни в одной из своих жабьих сказок, не сталкивался с Районной СЭС.

— Тетенька... — запищал Грым, роняя вилы. — Не надо... Я медяки отдам... Я лягушек приберу...

— Медяки потом, — отрезала Клавдия Петровна, выписывая квитанцию. — Сначала хлорка. И чтобы к утру комары были в масках. Семён Палыч, обеспечьте сохранность вещдоков!

Майор молча кивнул, наступил кованым ботинком на вилы Грыма и скомандовал:

— Стоять! Руки за спину! Сопrotивление при проверке санитарных норм!

Я смотрел на это и понимал: мы не просто попали в другой мир. Мы попали в мир, который отчаянно нуждался в нас. Мир, который был хаосом, потому что в нем не было нашей, родной, синей Печати.

Глава 3. Мост вздохов и искусство мелкого взяточничества

Шли мы, надо сказать, хреново. Люся хныкала, что у нее от сырости начали отслаиваться нарощенные ногти, а Семён Палыч шел с таким лицом, будто лично нес ответственность за разрушение Советского Союза. Клавдия Петровна шагала впереди, как ледокол «Ленин», разбивая торосы абсурда своим непробиваемым бюрократическим панцирем.

Лес вокруг был сказочный, но какой-то... нетоварный. Деревья стояли кривые, избушки на курьих ножках попадались, но без фундаментов и, судя по всему, без разрешений на строительство.

— Бардак, — сплевывал Семён Палыч. — Ни тебе забора, ни межевания. Каждый строит где хочет. Где тут БТИ? Где тут кадастровая палата? Заросли, мать их, анархией.

Мы вышли к реке. Река была широкая, воды в ней были черные, как совесть чиновника, а через реку перекинут мост. Мост был каменный, горбатый и выглядел так, будто его строили еще при царе Горохе, а сдавали в эксплуатацию при Хрущеве.

У въезда на мост стояла будка. А в будке сидел Троль.

Ну, или как его тут называли. Ростом с медведя, борода до пояса, на плечах — ржавая кольчуга, в руках — дубина с гвоздями.

— Стой! — зарычал Троль, вылезая из будки и перекрывая дорогу. — Я, Мыколла, Страж Переправы! Кто идет — плати пошлину! По золотому с рыла, а нет золота — так костями мостовую мостите!

Люся пискнула и спряталась за спину майора. Семён Палыч нахмурился, его рука инстинктивно потянулась к кобуре, которой, увы, не было. Клавдия Петровна прищурилась, оценивая габариты Мыколлы и степень его вменяемости.

Но я, Вениамин Кац, улыбнулся. Ибо я увидел не монстра. Я увидел классического, хрестоматийского «крышевателя». Я увидел родной, до боли знакомый типаж вахтера, который не пускает в общежитие без пропуска, или сержанта ДПС на глухой трассе. А с этими ребятами я умел говорить на одном языке. На языке, который старше магии и древнее драконов.

— Уважаемый Мыколла, — сказал я, выступая вперед и делая лицо максимально интеллигентным и доверительным. — Золото? Помилуй бог. Какие могут быть наличные расчеты между субъектами хозяйствования в условиях, так сказать, лесного массива? Это же статья, голубчик. Незаконное предпринимательство без регистрации ИП.

Троль моргнул, его маленькие поросячие глазки забегали.

— Чаво? Какой ИП? Я Князю присягал! Я мост стерегу!

— Стережешь, стеречь не запретишь, — согласился я, подходя ближе и понижая голос до интимного шепота. — Но скажи мне, Мыколла, а Князь-то знает, сколько ты тут собираешь? А налог с оборота платишь? А декларацию подаешь?

Троль попятился, дубина в его руке неуверенно дрогнула.

— Какой налог... Тут лес, тут мои деды стояли...

— Деды — это хорошо. Традиции, — кивнул я. — Но мы-то с тобой люди современные. Смотри, какая ситуация. Мы не просто путники. Мы — Инспекция из Столицы. По проверке целевого использования мостовых сооружений.

Я полез во внутренний карман пиджака. Там, за подкладкой, у меня всегда лежал маленький, потертый блокнотик и фиолетовая шариковая ручка «Pilot». Мой главный инструмент. Мой Экскалибур.

Я достал чистый листок.

— Видишь? — я покрутил листком перед носом Троля. — Чистый лист. А знаешь, что это значит? Это значит, что сюда можно вписать что угодно. Например, акт о том, что данный мост находится в аварийном состоянии, несущие конструкции поражены магической коррозией, а сам страж, то есть ты, Мыколла, находится в состоянии, несовместимом с исполнением обязанностей. И знаешь, что будет завтра? Завтра сюда приедет Змей Горыныч с проверкой из Пожарного Надзора. А у тебя тут даже огнетушителя нет! Только дубина! Ты что, дубиной огонь тушить собрался?!

Троль побледнел под слоем грязи и мха. Он посмотрел на листок бумаги. В этом мире, как я начал подозревать, бумага, исписанная непонятными закорючками уверенной рукой, обладала физической, почти магической силой. От листка веяло холодом казенных коридоров и неизбежностью суда.

— Дяденька... — зашептал Троль, роняя дубину. — Не надо Змея. Он в прошлый раз мою будку спалил, сказал, что дымоход не по СНиПу. Я... я пропущу. Только бумагу не пишите.

— Бумага, Мыколла, она терпеливая, — вздохнул я, пряча ручку. — Но я человек добрый. Интеллигент. Давай договоримся так. Ты нас пропускаешь. А мы тебе, так и быть, оставляем вот это.

Я достал из кармана брюк фантик от конфеты «Красный Октябрь» (я их обожаю, они напоминают мне детство) и торжественно вручил его Тролю.

— Это... индульгенция. Разовый пропуск. Храни его, показывай другим стражам. И помни: мы за тобой следим. Клавдия Петровна, зафиксируйте, что объект сдался добровольно.

Клавдия Петровна строго кивнула и сделала в своем блокноте какую-то пометку.

Мы прошли по мосту. Сзади доносился шепот Тролля, который с благоговением разглядывал фантик от «Мишки Косолапого», видимо, считая его могущественным артефактом Столичных Архимагов.

Семён Палыч шел рядом и с уважением коснулся моего локтя.

— Веня... — тихо сказал майор. — Ты гений. Ты только что осуществил рейдерский захват моста с помощью фантика и психологического давления. В Союзе тебя бы расстреляли. А тут... Тут ты, блядь, волшебник.

— Семён Палыч, — ответил я, глядя на открывающиеся за мостом шпили какого-то нелепого, кривого замка. — Волшебников тут, наверное, полно. Они огненными шарами кидаются. А мы с тобой принесем сюда кое-что пострашнее. Мы принесем сюда Систему. И да поможет нам Господь, потому что этим ребятам он уже не поможет.

Мы шли навстречу фэнтези. И фэнтези еще не знало, что сейчас его будут проверять на вшивость.

Глава 4. Трактир «У хромого василиска», или О вреде самостоятельности в сфере общественного питания

Любой уважающий себя интеллигент знает: кухня — это сердце квартиры, а трактир — это кухня мира, только без прописки и с наличием тараканов, которые, в отличие от московских, обладают зачатками магического мышления.

Заведение, в которое мы забрели, следуя за Грымом (он шел впереди, как проводник в мир мертвых, только вместо косы у него были вилы, а вместо хитона — набедренная повязка из неясного происхождения кожи), называлось «У хромого василиска». Вывеска была нарисована углем на куске коры, и василиск на ней выглядел не столько мифическим чудовищем, сколько жертвой неудачной пластики и хронического недосыпа.

Внутри пахло кислым элем, жареным луком и той самой, неизбывной тоской, которая царит в привокзальных забегаловках от Бреста до Владивостока. За столами, сколоченными из грубых досок, сидели местные жители. Типажи были до боли знакомые: вот сидит «интеллигент в изгнании» (эльф с печальными глазами, пьющий что-то зеленоватое), вот «работяга после смены» (гном с бородой, испачканной в саже), а вот и «местная шпана» (пара орков, играющих в кости на медяки).

Клавдия Петровна остановилась на пороге, и воздух вокруг нее, казалось, замер. Ее взгляд, отточенный годами проверок столичных общепитов, скользнул по залу, задержался на жирных пятнах на стенах, на мухе, тонущей в кружке эля, и на тряпке, которой трактирщик протирал столы, очевидно, еще со времен крестовых походов.

— Вениамин, — тихо, но так, что услышал даже глухой на оба уха гном, произнесла Клавдия Петровна. — Это не трактир. Это рассадник холеры, брюшного тифа и дизентерии. Где тут журнал учета дератизации? Где схема эвакуации при пожаре? А эта тряпка... Она же имеет статус биологического оружия!

Трактирщик, пузатый мужик с фартуком, на котором можно было изучать историю кулинарии последних трех столетий, подошел к нам, вытирая руки о штаны.

— Чего изволите, путники? Эля? Похлебки из крыс... тьфу, из кролика?

Семён Палыч, до этого момента молча сканировавший помещение на предмет нарушений товарного оборота, сузил глаза.

— Кролика, говоришь? — майор подошел к бочке, из которой трактирщик только что налил эль, и постучал по ней костяшками пальцев. — А ну-ка, налей мне стакан. Только из нижнего краника.

Трактирщик замялся, но под тяжелым, не терпящим возражений взглядом бывшего сотрудника ОБХСС, подчинился. Семён Палыч понюхал жидкость, потом капнул себе на палец и растер.

— Так я и думал. Разбавление продукции водой в пропорции один к трем. Хищение феодальной собственности путем мошенничества. Статья. А вон тот бочонок, — Палыч ткнул пальцем в угол, — у тебя без маркировки. Контрафакт? Где сертификат соответствия на медовуху?

Трактирщик побледнел. В этом мире, возможно, и были драконы, но слова «сертификат соответствия» он слышал впервые, и от них веяло такой первобытной, казенной мощью, что у него подогнулись колени.

В этот момент к нашему столу подсел местный «авторитет». Это был человек в балахоне, расшитом звездами, с бородой, в которой, казалось, гнездились мелкие птицы. Местный маг, или, как они тут себя называют, «Адепт Тайных Искусств».

— Чужаки, — прогудел он басом, пытаясь придавать голосу потустороннюю хрипотцу. — Вы нарушаете покой этого места. За защиту от сил тьмы полагается платить. Иначе... иначе я нашла на вас проклятие гниющей плоти!

Он начал делать пассы руками, и над его ладонью зажегся тусклый, зловещий зеленый огонек. Посетители трактира испуганно вжались в лавки.

Я, Вениамин Кац, тяжело вздохнул. Интеллигент во мне протестовал против грубого нарушения этикета, а фальсификатор документов — вопил от возмущения.

— Гражданин, — сказал я, доставая из кармана фиолетовую ручку «Pilot» и чистый листок бумаги. — Прежде чем жечь зеленый огонь в закрытом помещении, вы получили допуск от Пожарного Надзора? У вас есть лицензия на осуществление магической деятельности в сфере общественного питания? А справка о том, что ваш огонек не выделяет угарный газ сверх ПДК?

Маг замер. Огонек в его руке мигнул, словно лампочка в подъезде, за которую не платили три месяца.

— К-какая лицензия? — пролепетал он. — Я Адепт! Я черпаю силу из Астрала!

— Из Астрала, значит... — протянул Семён Палыч, подходя ближе. — А налог с астральных доходов платим? Или у нас Астрал — это офшорная зона? Ну-ка, предъявите патент на индивидуальную трудовую деятельность. Нет? Значит, незаконное предпринимательство. Люся, зафиксируй.

Люся, мастер маникюра и экстрасенс-самоучка, достала из сумочки пилочку для ногтей и, глядя на мага, тихо сказала:

— У вас, мужчина, аура цвета просроченного кефира. И кармический долг перед налоговой. Если не покаетесь, у вас на следующей неделе отсохнет... э-э-э... магический канал.

Маг посмотрел на свои руки. Огонек жалобно пискнул и погас. Адепт, бормоча извинения, попятился и выскочил из трактира, забыв свой посох.

Семён Палыч подобрал посох, осмотрел его хозяйским взглядом и удовлетворенно кивнул:

— Вещдок. Незаконное изготовление и хранение магических приспособлений. Пойдет в доход государства. Ну, то есть, в наш общий фонд. Клавдия Петровна, пиши предписание трактирщику. Пусть моет пол с хлоркой. А мы, пожалуй, перекусим. И Вениамин, нарисуй ему справку, что он прошел санитарный контроль. А то мне за него стыдно.

Я улыбнулся. Мир был хаотичен, грязен и опасен. Но он еще не знал, что такое СанПиН. И это было нашей главной суперсилой.

Глава 5. Канцелярия барона фон Штрюмпфеля, или Торжество шариковой ручки над гусиным пером

Наутро мы поняли, что для дальнейшего продвижения к центру Замкадья нам необходимы документы. В любом мире, будь то Москва с ее МКАДом или фэнтезийное королевство с его грифонами, человек без бумажки — это букашка, а с бумажкой — человек, причем, скорее всего, с мандатом.

Баронский замок возвышался над городком, как гигантский, серый и унылый ЖЭК. Никаких вам стрельчатых башен и разукрашенных витражей. Суровые каменные стены, узкие бойницы и очередь из крестьян, ведущих на привязи коз и гусей, явно для уплаты натурального налога.

Мы встали в очередь. Клавдия Петровна тут же начала проводить среди крестьян агитацию за создание профсоюза животноводов, а Семён Палыч высматривал спекулянтов, перепродающих очередь. Люся же делала маникюр жене старосты, попутно выясняя все сплетни о баронской канцелярии.

Наконец, мы вошли в святая святых — Зал Писарей. Это было огромное помещение, заставленное дубовыми столами, за которыми сидели люди в чернильных пятнах и скрипели гусиными перьями. Пахло пылью, сургучом и безнадежностью. За главным столом восседал Первый Писарь — тощий, как жердь, субъект с лицом, выражающим вселенскую скорбь от необходимости общаться с населением.

— Имя? Цель визита? Наличие крепостного права? — скороговоркой, не отрываясь от пергамента, пробубнил Писарь.

— Кац Вениамин Ильич. Интеллигент. Цель — получение транзитной визы для группы специалистов узкого профиля. Крепостного права не имеем, так как являемся иностранными консультантами, — ответил я, подходя к столу и кладя на него свою «авоську», в которой лежал мой главный арсенал.

Писарь поднял глаза. В них читалось презрение ко всему, что не имеет гербовой печати.

— Иностранные консультанты? А где верительная грамота от вашего сюзерена? Где акт о рождении, заверенный жрецом Бога Бумаги? Нет? Тогда заполняйте форму 14-Б «Прошение о помиловании за бродяжничество». Ждите три луны. Следующий!

Я усмехнулся. Три луны. Классика. Я достал из авоськи чистый лист бумаги. Не пергамент, а самую обычную, белоснежную, офисную бумагу формата А4, которую я прихватил из нотариальной конторы перед взрывом. Писарь уставился на нее, как на чудовище.

— Что это? Оно светится белизной! Оно гладкое, как кожа девственницы!

— Это, уважаемый, бланк строгой отчетности, — вкрадчиво сказал я. — Форма 4-А. «Заявление на предоставление статуса неприкосновенности в связи с производственной необходимостью».

Я достал фиолетовую ручку «Pilot». Писарь вздрогнул.

— А где чернильница? Где песочница? Чем вы будете писать, о безумец?!

Я не ответил, а лишь уверенно, с тем самым скрипом, от которого у любого чиновника начинают потеть ладошки, начал выводить буквы. Я рисовал не просто текст. Я рисовал Систему. Я вывел шапку с несуществующим, но до боли знакомым гербом (двуглавый орел, держащий в когтях земной шар и печать). Я начертил графы для подписей. И в самом низу я нарисовал то, чего этот мир еще не видел. Я нарисовал место для Синей Печати.

— А теперь, — сказал я, доставая из кармана ластик, который я заранее вырезал в форме круга и нацарапал на нем зеркальное слово «СОГЛАСОВАНО», — смотрите.

Я достал фиолетовую штемпельную подушечку (я всегда ношу ее с собой, это профессиональная деформация) и с глухим, утробным звуком «ЧПОК» припечатал ластик к бумаге.

Звук этот эхом разнесся по Залу Писарей. Скрип перьев прекратился. Все писари подняли головы. Это был звук власти. Звук, который превращает хаос в космос, а просьбу — в приказ.

Писарь дрожащими руками взял лист. Он смотрел на ровные строчки, на синюю, идеальную печать. От листа веяло холодом казенных коридоров, запахом кофе из автомата и неизбежностью исполнения.

— Но... но тут нет подписи Верховного Инквизитора... — прошептал Писарь.

— А вы посмотрите на обратную сторону, — подсказал я.

Там, с помощью копирки (о, великое изобретение человечества, которое я тоже не забыл!), отпечатался текст мелким, нечитаемым шрифтом. Микротекст. Музыка сфер.

— Это... это приложение № 2. С грифом «Для служебного пользования». Если вы не поставите визу сейчас, я буду вынужден направить запрос в Вышестоящую Инстанцию. А вы же знаете, как они не любят, когда их дергают по пустякам?

Писарь побледнел. Словосочетание «Вышестоящая Инстанция» не нуждалось в переводе. Оно было универсальным языком страха. Он схватил свое перо, торопливо макнул его в чернила и, не смея дышать, поставил размашистую подпись и свою личную печать рядом с моей синей.

— Пр-проходите, досточтимые маги, — выдавил он. — Да хранит вас Бюрократия.

Мы вышли из замка. Семён Палыч нес в руках четыре свитка с «визами».

— Веня, — сказал майор с уважением. — Ты только что осуществил рейдерский захват баронской канцелярии с помощью ластика и копирки. В Союзе тебя бы расстреляли. А тут... Тут ты, блядь, архимаг.

— Семён Палыч, — ответил я, глядя на кривые улочки города. — Магия — это когда ты машешь палочкой и надеешься. А Бюрократия — это когда ты машешь бумажкой, и мир прогибается. Пойдемте. Нам нужно найти дракона. Я слышал, у него проблемы с уплатой налогов на недвижимое имущество.

Глава 6. Дракон Игнис и акт о нарушении правил пожарной безопасности

Слухи в городе распространялись быстрее, чем грипп в московском метро. К вечеру мы уже знали, что местный дракон, обитающий в пещерах на Серных Холмах, терроризирует округу. Он не просто жег деревни и ел овец. Он, что было совсем нестерпимо, требовал дань золотом, но не выдавал никаких расписок в получении.

— Бардак, — возмущался Семён Палыч, вытирая ноги о порог нашей комнаты в трактире (который Клавдия Петровна к вечеру заставила вымыть с мылом и хлоркой). — Требуется золото, а приходный кассовый ордер не выписывает. Это же классические нетрудовые доходы! Спекуляция! Рэкет!

— А пещера? — вторила ему Клавдия Петровна, протирая очки. — Вы слышали, что крестьяне говорят? Там сырость, сквозняки, а он, видите ли, огнем дышит. Это же прямое нарушение норм охраны труда! А если обвал? А если утечка серного газа? Где техника безопасности?!

Наутро мы отправились на Серные Холмы. Люся осталась в городе, открыв подпольный салон красоты для жен купеческого сословия (ее умение «сглаживать» морщины и «притягивать» мужей через гель-лак пользовалось бешеным успехом).

Подъем к пещере был усеян костями. Классический антураж. Но я, Вениамин Кац, смотрел на это не как на кладбище, а как на свалку неразложенных бытовых отходов.

— Клавдия Петровна, — шепнул я. — Фиксируйте. Нарушение правил утилизации биологических останков. Штраф.

Мы вошли в огромную, гулкую пещеру. В центре, на горе золотых монет, кубков и драгоценных камней, спал Дракон. Он был великолепен в своем первобытном ужасе: чешуя цвета запекшейся крови, рога, как серпы, и дыхание, от которого плавилась гора.

От звука наших шагов чудовище открыло один желтый глаз. Зрачок сузился. Из пасти вырвался клуб дыма.

— КТО СМЕЕТ БЕСПОКОИТЬ ИГНИСА ПОЖИРАТЕЛЯ?! — проревел он, и с потолка посыпались сталактиты.

Семён Палыч не дрогнул. Он поправил невидимый галстук, достал блокнот в дерматиновой обложке и шагнул вперед.

— Гражданин Игнис! Майор в отставке, представитель общественного контроля. Предъявите документы на право владения данным горным массивом!

Дракон моргнул. Он ожидал рыцарей. Он ожидал магов с огненными шарами. Он даже был готов к ворами. Но он не был готов к майору ОБХСС.

— Я... Я ДРАКОН! — растерянно рыкнул он, но уже тише. — ЭТО МОЕ ЛОГОВО! Я ТУТ ЖИВУ ТЫСЯЧУ ЛЕТ!

— Тысячу лет? — Клавдия Петровна вышла из-за спины Палыча, и в ее руке, как карающий меч, блеснул санитарный журнал. — Значит, вы не платили налог на недвижимость тысячу лет? А капитальный ремонт пещеры проводился? А вентиляция? У вас тут концентрация сероводорода превышает ПДК в сорок раз! Вы сами-то в курсе, что у вас начинается профессиональное заболевание легких?!

Дракон сел на хвост, совершенно сбитый с толку. Он инстинктивно прижал крылья, словно стыдясь своего внешнего вида.

— Но... но я же дракон... Я коплю сокровища...

— Сокровища? — Семён Палыч подошел к горе золота и пнул ее ботинком. Посыпались дукаты. — А декларация о доходах где? Откуда, простите, у безработного рептилоида такие объемы драгметаллов? Это что, валютные операции? А где лицензия на хранение? Это же неучтенка! Контрабанда! Хищение в особо крупных размерах!

Я, Вениамин, стоял в стороне и зарисовывал в блокнот схему пещеры.

— Гражданин Игнис, — сказал я мягко, интеллигентным тоном. — У вас тут только один выход. А по нормам пожарной безопасности, в помещениях, где хранятся легковоспламеняющиеся материалы (а ваше дыхание, извините, таковым является), должно быть минимум два эвакуационных выхода. Я вынужден составить акт о приостановке эксплуатации пещеры до устранения нарушений.

Я достал тот самый лист с Синей Печатью и поднес его к морде дракона.

От бумаги веяло такой холодной, безжалостной, неумолимой Системой, что Дракон, переживший битвы с богами и падение империй, почувствовал первобытный ужас. Он понял, что против огненного шара можно укрыться за щитом. Но против Предписания об устранении нарушений щита не существует. Это была магия, которую невозможно развеять. Это была магия Бумажки.

— Ч-что мне делать? — жалобно заскулил Игнис, из ноздрей которого повалил не дым, а пар отчаяния. — Я не хочу в карцер! Я не хочу платить пени!

— Ничего страшного, — успокоил его Семён Палыч, по-отечески похлопав чудовище по чешуйчатой лапе (что стоило ему немалого мужества). — Мы люди не жестокие. Мы поможем вам легализоваться. Во-первых, вы заключаете договор аренды с бароном. Во-вторых, вы открываете счет в местном банке и платите подходящий налог. В-третьих...

Палыч хитро прищурился.

— В-третьих, вы берете на себя функции муниципальной котельной. Будете отапливать город зимой. По утвержденному тарифу. Без наличных расчетов, только по безналу.

Дракон, всхлипывая, кивал огромной головой. Клавдия Петровна уже вручала ему веник и инструкцию по дезинфекции пещеры хлорной известью.

Мы спускались с холмов, и солнце Замкадья освещало наши фигуры. Мы не были героями. Мы не носили сияющих доспехов. Но мы принесли в этот дикий, магический мир самое страшное и прекрасное, что только могло существовать во Вселенной. Мы принесли сюда Порядок.

И, глядя на то, как Дракон старательно подметает свой двор, я понял: мы не просто выжили. Мы нашли свое призвание. Ведь в конце концов, что такое магия, если не умение заставить мир играть по твоим правилам? А правила, граждане, пишу я. И точка.

Синяя печать, или Хроники Замкадья

Глава 7. Столица Замкадьа, или О том, как интеллигент в очереди стоял и до чего это его довело

Столица, граждане мои дорогие, это не просто город. Столица — это диагноз. Это когда все дороги ведут не в Рим, а в приемную, где сидит секретарша с прической «взрыв на макаронной фабрике» и говорит вам: «Шеф занят. Приходите завтра». И так — триста шестьдесят пять дней в году, а в високосный — еще и триста шестьдесят шестой, потому что начальник, видите ли, в отпуске, но отпуск у него не на Канарах, а в санатории «Ударник» под Вышним Волочком, где он лечит радикулит и одновременно решает кадровые вопросы.

Вот и столица Замкадьа, носящая гордое имя Канцеляроград, встретила нас не фанфарами и не ковровой дорожкой. Она встретила нас очередью. Очередь тянулась от главных ворот, сложенных из серого, как тоска, камня, через весь город, огибала площадь, на которой стоял памятник Неизвестному Бюрократу (весьма, доложу вам, реалистичный памятник — мужик в сюртуке, с вечным пером в руке и выражением лица, говорящим: «Ваша заявка на рассмотрении»), и терялась где-то в районе еврейского квартала, ибо, как говаривал мой дядя Изя, без еврея ни в одном приличном месте не обходится, даже если место это фэнтезийное.

— Клавдия Петровна, — сказал я, обозревая эту человеческую реку, текущую в никуда. — Вы только посмотрите. Это же родные пейзажи! Это же Москва, год этак восемьдесят пятый, очередь за польскими сапогами в ГУМе.

— Не говори мне про Москву, Венечка, — отозвалась Клавдия Петровна, поправляя очки на цепочке. — В Москве хотя бы за колбасой стояли, а тут, смотри, с мешками какие-то. Не иначе как за справкой о несудимости.

И действительно, граждане, стоящие в очереди, держали в руках свитки, рулоны пергамента, а некоторые, особо продвинутые, тащили целые сундуки, из которых торчали края бумаг. Один мужик, похожий на лешего, только в очках, прижимал к груди папку, на которой было выжжено: «Дело № 314-бис. О незаконном пересечении границы магического поля князем Мышехвостовым».

— Люся, — обратился я к нашей маникюрше. — Ты ж у нас экстрасенс. Скажи-ка мне, что тут за зверь живет, что народ так мается?

Люся, которая с некоторых пор ходила с видом женщины, познавшей тайну бытия (а тайна эта, как выяснилось, заключалась в том, что местные мужики на маникюр идут охотнее, чем московские), прищурилась и сказала:

— Веня, тут магия пахнет. Только магия какая-то... бумажная. Как будто не силу духа качают, а силу печати.

И тут, граждане, до меня дошло. Дошло так, что я даже кепочку свою, которую я прихватил из бань (а вы думали, интеллигент без кепочки — это все равно что скрипач без скрипки?), на затылок сдвинул. Я понял, в чем соль этого мира. Соль была не в огненных шарах и не в эльфийских стрелах. Соль была в том, что магия здесь работает через бумажку. Хочешь вызвать дождь? Изволь написать заявление в трех экземплярах, заверить у нотариуса, поставить гербовую печать и сдать в канцелярию. Иначе — шиш тебе, а не дождь, и даже туча не набежит, потому что туча, она тоже бюрократ, она без бумажки не летает.

— Семён Палыч, — прошептал я майору. — Мы с вами, голубчик, попали не в фэнтези. Мы с вами попали в Рай. В тот самый рай, о котором мечтает каждый русский человек. В рай, где уважают справку.

Палыч, который до этого момента мрачно взирал на толпу, как на спекулянтов у метро «Динамо», вдруг оживился. В его гранитных глазах мелькнул огонек — тот самый огонек, который загорается у следователя, когда он понимает, что перед ним не просто жулик, а жулик системный, с размахом.

— Веня, — сказал он тихо. — Если тут бумажка решает, то мы с тобой — архангелы. А ну-ка, пошли.

И мы пошли. Пошли не в очередь — интеллигент в очереди стоять не должен, интеллигент должен искать обходные пути, это у нас в крови, это нам дедушка Ленин завещал, хотя дедушка Ленин, между нами говоря, был тот еще бюрократ, только в масштабах одной шестой части суши.

Мы подошли к боковой дверце, на которой висела табличка: «Для особо важных персон, магов 7-го уровня и лиц с двойным гражданством». Дверь была закрыта, но рядом стоял стражник — типичный вахтер, только в кольчуге.

— Куда прете? — спросил он, не отрываясь от изучения собственной подковы на ноге. — Прием по вторникам и четвергам. Сегодня среда. Идите в общую очередь.

— Молодой человек, — сказала Клавдия Петровна голосом, от которого в свое время вяли цветы на подоконниках районной СЭС. — Вы, вероятно, не поняли. Мы не в очередь. Мы — инспекция.

— Какая еще инспекция? — страж поднял глаза.

— Из Столичного, — сказал я, доставая из кармана (а в кармане у меня, граждане, с некоторых пор завелась маленькая, но гордая фиолетовая печать, которую я вырезал из ластика еще в банях, и которая теперь была моим главным оружием) — Из Столичного Департамента Магического Надзора. У нас, знаете ли, плановая проверка. А вы, я смотрю, тут без формы. И, кстати, где ваш пропуск на рабочее место?

Стражник побледнел. В этом мире, как я уже начал понимать, слово «пропуск» действовало сильнее любого заклинания. Это было слово-пароль, слово-заклинание, слово, от которого у любого местного жителя начиналась легкая дрожь в коленках и желание немедленно признаться во всех грехах, включая грех неуплаты налога на бороду.

— Дяденька, — пролепетал стражник. — Я ж тут... я ж на стажировке...

— На стажировке, значит, — протянул Семён Палыч, подходя ближе. — А договор о стажировке где? А запись в трудовой книжке? А отчисления в фонд магического страхования? Ах, нету? Ну, тогда, брат, ты у нас идешь по статье. Незаконное осуществление караульной деятельности. Палыч достал свою знаменитую дерматиновую книжечку (которую он, видимо, перенес вместе с нами через ткань бытия, ибо такие книжечки, граждане, они не горят в огне и не тонут в воде) и начал что-то писать.

Дверь распахнулась сама собой. Из-за нее выскочил маленький, кругленький человечек в мантии, расшитой звездами, которые, впрочем, выглядели так, будто их вышивала моя тетя Роза после трех рюмок коньяка — кривовато, но с душой.

— Что тут происходит?! — запищал человечек. — Кто эти люди?! Почему они не в очереди?!

— А вы кто такой? — спросил я, прищурившись.

— Я — Архимагистр Первого Круга, Хранитель Печати, Писарь Великий и так далее, и тому подобное, — затараторил человечек, и я понял, что перед нами — классический чиновник средней руки, из тех, что сидят в отделах и считают дни до пенсии.

— Очень приятно, — сказал я, протягивая ему руку. — А мы, понимаете ли, из Центра. С проверкой. У вас тут, говорят, маги без лицензий работают? Заклинания без гербовой печати читают? А ну-ка, покажите-ка нам вашу нормативную базу.

Архимагистр замигал. Он, бедняга, привык, что перед ним трепещут крестьяне с ходатайствами о дожде и купцы с прошениями о разрешении на торговлю волшебными зельями. Но чтобы перед ним стоял интеллигент — этого он не ожидал. Интеллигент, граждане, он не трепещет. Интеллигент задает вопросы. А вопросы, как известно, это самое страшное оружие со времен Сократа.

— Пройдемте, — сказал Архимагистр, и мы вошли внутрь.

Внутри было... как бы это сказать... внутри было так, как бывает в хорошем, старом, советском ЖЭКе, только вместо бабки с радикулитом за стойкой сидел гоблин в очках, а вместо заявлений на замену труб лежали свитки с заклинаниями. Стены были увешаны досками объявлений, на которых висело: «Внимание! С 1-го числа следующего месяца форма бланка № 47-а меняется! Просьба не путать с формой № 47-б, иначе последствия могут быть фатальными (вплоть до превращения в жабу)». И тут же, рядышком: «Потерялась волшебная палочка. Особые приметы: коричневого цвета, с набалдашником в виде дракона. Нашедшему — вознаграждение (три медных и бесплатное гадание)».

— Вот это, — прошептал я Палычу, — это наш дом. Это наша вотчина. Это, ё-моё, наша с вами, Семён Палыч, родина.

И я понял, граждане, что мы не просто выживем в этом мире. Мы будем в нем править. Ибо что такое магия? Магия — это умение навязать свою волю миру. А что такое бюрократия? Бюрократия — это умение навязать миру свою бумажку. А бумажка, граждане, она посильнее любого огненного шара будет. Огненный шар погаснет, а бумажка — она вечна. Она переживет и вас, и меня, и даже Кашея Бессмертного, потому что Кашей, он, между нами говоря, тоже по бумажкам живет, только у него бумажка одна — акт о бессрочном хранении души в игле, а игла — в яйце, а яйцо — в утке, а утка — в зайце, а заяц — в сундуке, а сундук — на дубе, а дуб — на острове. И всё это, граждане, задокументировано, всё учтено, всё оприходовано.

Вот такие мысли крутились у меня в голове, пока мы шли по коридорам Великого Канцеляриума, и я, Вениамин Кац, фальсификатор и интеллигент, чувствовал себя так, как чувствовал себя, наверное, Остап Бендер, входя в Васисуалиевск. Только у Васисуалиевска, граждане, было одно преимущество перед этим вашим Замкадьем: в Васисуалиевске хотя бы колбаса была. А тут — одни свитки да печати.

Но ничего. Ничего, граждане. Мы это исправим. Мы сюда еще колбасу привезем. И не просто колбасу, а Докторскую. Потому что Докторская, она, знаете ли, тоже своего рода магия. И, может быть, самая сильная из всех.

Глава 8. О гномах, о золоте и о том, как Семён Палыч первую в мире фэнтези-ОПГ организовал

Гномы, граждане, они везде одинаковы. Вот вы думаете, гном — это такое бородастое существо, которое живет в горе, пьет эль и поет песни про золото? Нет, граждане, вы ошибаетесь. Гном — это, в первую очередь, бухгалтер. Гном — это человек (ну, или не совсем человек, но суть не в этом), который знает цену всему и знает цену ничему. Гном — это, если хотите, воплощенная бухгалтерская книга, только с бородой. И вот этих самых гномов, граждан, мы и встретили на третий день нашего пребывания в Канцелярограде.

А случилось это так. Сидели мы в трактире, который назывался скромно и без затей — «У Пергамента и Чернильницы». Название, доложу вам, для интеллигентского уха — просто бальзам. Сидели, пили местное пойло, которое трактирщик гордо именовал «Эльфийским вином», а на поверку оказалось обычным портвейном «777», только разбавленным водой из лужи (я, как человек, знающий толк в паленом алкоголе, это сразу определил). И вдруг — шум, гам, топот, и в трактир вваливается толпа маленьких, бородастых мужичков, которые тащат мешки. Мешки тяжелые, звенят. И из мешков, граждане, сыпется золото. Самое настоящее, червонное, с профилем какого-то местного короля, который, судя по профилю, был человеком (или гномом) с тяжелым характером и плохим прикусом.

— Это что еще за безобразие? — спросил Семён Палыч, прищурившись. — Почему золото? Почему без сопровождения? Где инкассаторы? Где сопроводительные документы?

Я, Вениамин Кац, посмотрел на Палыча и понял: всё. Попали гномы. Попали, как говорил мой покойный дядя Моня, «под раздачу». Потому что Палыч, он ведь не просто бывший ОБХСС. Палыч — он, граждане, идейный. Он, видите ли, верит в закон. А закон, он, знаете ли,

он как дышло — куда повернул, туда и вышло. Но Палыч повернуть не даст. Палыч повернет так, как надо.

Гномы уселись за соседний стол, заказали себе эля (настоящего, не то что у нас) и начали громко хвастаться. Хвастались они, граждане, тем, что нашли, видите ли, жилу. Золотую. И теперь, значит, будут богатые, будут, значит, при деньгах, будут, значит, в совет гномов избраны. И всё это они говорили так громко, что, наверное, даже в соседнем королевстве было слышно.

Палыч не выдержал. Он встал, поправил свой невидимый, но от этого еще более тяжелый галстук (а вы думали, майор ОБХСС без галстука ходит? Нет, граждане, галстук у майора ОБХСС — он в душе. Он невидимый, но от этого еще более осязаемый для нарушителя) и подошел к столу гномов.

— Разрешите? — спросил он вежливо.

Гномы посмотрели на него с недоумением. Один, самый бородатый (а борода у него была такая, что в ней, наверное, жили три поколения гномьих блох), спросил:

— А ты кто такой?

— Я, — сказал Палыч, — майор в отставке. А вы, граждане, кто будете? И это вот, — он указал на мешки, — это у вас что?

— Золото, — ответил гном, наивно полагая, что этого ответа достаточно.

— Золото, говорите, — протянул Палыч. — А декларация где?

— Какая декларация? — не понял гном.

— Ну, декларация о доходах. Вы же, насколько я понимаю, физическое лицо. А физическое лицо, гражданин, обязано декларировать доходы. Особенно такие, которые в мешках не помещаются.

Гномы переглянулись. Они, бедняги, привыкли, что у них золото отбирают драконы, орки и прочие сказочные существа. Но чтобы у них золото отбирал майор в отставке — такого в их гномьих сказках не было.

— Мы... мы нашли это в горе, — попытался объяснить бородатый.

— В горе, значит, — кивнул Палыч. — А гора чья? Гора, насколько мне известно, является собственностью Королевского Дома. А вы, значит, самовольно осуществили разработку недр. Статья. Хм. А разрешение на недропользование у вас есть? Нет? А лицензия на осуществление горнодобывающей деятельности? Тоже нет? А справка из налоговой о постановке на учет? И этого нет? Ну, граждане, граждане... Вы меня, конечно, извините, но это называется «незаконное предпринимательство в особо крупных размерах». Это, знаете ли, не просто штраф. Это, граждане, конфискация.

И Палыч, не дожидаясь ответа, достал свою дерматиновую книжечку и начал писать. Гномы смотрели на него с ужасом. Они, видите ли, привыкли к магии. Они привыкли, что если приходит маг, его можно задобрить золотом. Но Палыч — он не маг. Палыч — он система. А систему, граждане, золотом не задобришь. Система, она золото любит, но не за взятку, а по приговору суда.

— Вена, — сказал Палыч, не оборачиваясь. — Составь-ка акт о выемке вещдоков.

Я достал свой блокнот, фиолетовую ручку и начал писать. Я писал красиво, граждане. Я писал так, как писал мой дядя Изя, когда оформлял документы на выезд в Израиль — с росчерком, с завитушками, с микротекстом, который никто не мог прочитать, но все верили, что там написано что-то очень важное.

Гномы заплакали. Они плакали, граждане, так, как плачут только гномы, то есть тихо, с достоинством, но с такими слезами, что даже трактирщик отвернулся, чтобы не видеть этого позора.

— Не надо, дяденька, — всхлипывал бородатый. — Мы же честно... Мы же три года копали...

— Три года копали, а налоги не платили? — Палыч покачал головой. — Нехорошо, гражданин. Некрасиво. Вы подумайте, если бы каждый гном начал копать и не платить, что бы было? Был бы хаос. А хаос, гражданин, это плохо. Хаос — это когда нет порядка. А порядок — это когда есть Палыч.

В итоге, граждане, гномы расстались с половиной своего золота. Палыч, видите ли, был человеком (ну, или майором) принципа. Он не отбирал всё. Он отбирал ровно столько, сколько положено по закону. А по закону, как известно, положено 50%. Остальные 50% он, так и быть, оставил гномам, но с условием, что они встанут на учет в налоговой и будут платить ежемесячные отчисления.

— И запомните, — сказал Палыч на прощание. — В следующий раз, когда пойдете копать, сначала получите разрешение. И не забудьте про страховку. В горах, знаете ли, обвалы бывают. А обвал без страховки — это, граждане, трагедия.

Гномы ушли, понурые, как мои соседи по коммуналке после собрания жилконторы. А мы остались. И Палыч, посмотрев на мешки с золотом, сказал:

— Веня, а знаешь, что я думаю?

— Что, Семён Палыч?

— Я думаю, что мы только что создали первую в мире фэнтези-ОПГ.

— Это как? — не понял я.

— Очень просто. Организованная Палычевская Группировка. Мы с тобой, Веня, теперь не просто попаданцы. Мы с тобой, брат, авторитеты. И, знаешь, мне это нравится. Мне это, Веня, очень нравится. Потому что в Москве я был просто майор в отставке. А тут... Тут я — Закон.

И он, граждане, улыбнулся. А я, Вениамин Кац, посмотрел на него и подумал: вот оно, счастье. Счастье, оно ведь не в деньгах. Счастье — оно в том, чтобы найти свое место. А место Палыча — оно там, где есть закон. И если закона нет, Палыч его создаст. И будет этот закон сине-фиолетового цвета, с гербовой печатью и микротекстом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.